

РАННЯЯ ВЕСНА

Я всё смотрел на ветки голые,
Как месяц начал молодеть.
На почки, крепостью готовые,
Пожертвовав, облиственеть.
И мнились мне почти зелеными,
Ожившими, приюты крон.
На волю пики исступленные
Проклевывались из пелён.
Как быстро развернулись свитками.
Как плоть их клейкая чиста;
С изнанки моложаво нитками
Сквозит нервация листа.
Взлетает тюля край, бессонница,
С балкона настезь дверь в весну.
Когда в беседу липа ломится,
Я знаю — точно не усну.
В такие ночи спать бессмысленно,
И преступление — писать.
Естественней и даже истинно
О ненаписанном мечтать.
В такие ночи спать не хочется —
Горячих дум чертополох,
А поезд бешено проносится,
Гудя меж трех и четырех.
И прочь, и прочии, и прочие.
Состав уносится, гремя...
И первых капель многоточие,
И ударение дождя.

Дождь

Едва-едва, неуловимо,
За каплей капля, зачастил,

Промазал, в точку, снова мимо —
Жесть мелкой дробью окропил.
Чуть всколыхнул листву, забылся,
Забарабанил здесь и там,
В падении утяжелился,
Прошелся гаммой по кустам.
Перекопился от удара,
Гул убыстря в говорке,
И — ну чесать по тротуарам —
На тарабарском языке.
Его я знал когда-то трошки,
Потом, за засухой, забыл,
Как брызги разбивает в крошки,
А крошку — в водяную пыль.
Как в кипень хлещет с водостоков,
И выплывают пузыри
На перекрестные потоки,
И лопаются: раз, два, три.
Разит карниз, тиранит крыши,
Преображая рокот в рев,
Рвет театральные афиши
И объявления со столбов.
Вдруг обрывается, и плети
Безвольные на полпути
Подрезаны, и в лужах дети
Спешат свободу обрести.

.....
Шел сумеречный час девятый.
Дождь кончился, и на балкон
Я вышел, воздух напоен
Был свежестью и ароматом,
Арбузной корки источал
Благоуханье, лист сверкал
Умытой мякотью, навстречу
Тянулись ветви, дробно с них
В жесть ударяло, в целом вечер
Был неправдоподобно тих.
Он смутной линией сюжета
Отчасти мне напоминал
Фрагменты из другого лета,
Где руки я твои держал
В своих руках, соприкасались
Гребенки влажные ресниц...
И так же капли вниз срывались
С ветвей, срывались капли вниз.

ПЕРВЫЙ ДОМ

Пройдя покосом меж скирдами,
Урочищу наперерез,
Мы входим тихими стопами
В мугреевский, положим, лес.
И разбредаемся: кто бровкой

По краешку, кто напрямки,
Привычной рекогносцировкой,
Наметывая путь с руки.
Мы ходим хитрыми кругами,
Благословляя древостой;
Спина исчезнет за кустами,
Мелькнет плечо за берестой.
То треск сухой, то сотоварищ
Пространство криком огласит
До сокровенных обиталищ,
Где сердце леса в чаще спит.
И эхо вторит, отголоском
Снимает комаров из ям,
Делянки обегает кроссом,
Уходит в землю по корням.
Тропинка, гать. — «Ты где?» — «Да здесь я!»
К шлепкам прилипла мошкара.
Здесь стадо через мелколесье
Комольый бык провел с утра.
Так кружим — люди, скот и звери.
На сбегах бьется Божий стяг,
Скрипят невидимые двери
В бор, чернолесье, березняк.
Мы вновь к тебе заворотили,
Наследственностью хромосом
Мы помним все, мы не забыли
Тебя, наш добрый первый дом.
В твоих зеленых анфиладах
Играют зайчики на пне,
Грибок торчит из-под отпада,
И тень смуглеет на сосне.
За третьим часом осторожно
Грибниц раскручивая нить
(А заодно — свою, возможно),
Пора, услышу, уходить.
И прободав хитросплетенья,
Как дар, тенету на лице
Несу на свет преображенья,
Он, как положено, в конце.
Там, где на выходе редеют
И утончаются стволы,
В просветах лоскуты синеют,
И агнцы облаков белы.

* * *

Море и виноград,
Который нельзя мне —
Вот все, что мне нужно,
Чтобы я — на спине, поплавок — на волне,
Чтобы южно
Цвел миндаль и каштан,
Рокотало и грело;

Чтобы пляж был песчан,
Пусть и галька, чтоб небо синело.
Непривычно ступням,
Неудобно ходить по гальке.
Я не молод, не стар,
Коли грустно, не нужен мне Яр,
И у Тестова,
Вовсе, не нужно селянки.
Только море,
Разве можно при виде его
Думать о смерти?
Море — это легко,
Море — это, как деньги в конверте,
Чтоб поехать на море.
Нет, у моря только о вечном:
Об Овидии, Плинии Старшем...
Не о первом там встречном и поперечном.
Ну а если под солнцем палящим
Набережных Ялты иль Коктебеля?
Не о вечном же в самом деле
Думать, только о настоящем.
С женщин, как макияж,
Сползает замужняя официальность, —
Женщина — это реальность,
Женщина — хит продаж,
Если она у моря.
Впрочем, прошу простить за маленькую ремарку:
Лично вот я им всем предпочитаю кадарку.
Выпью: и с зонтиком кружевным,
В шляпке с вуалью —
Книппер-Чехова, с очень прямой спинойю.
Непрененно в корсете,
Неизменно с лорнетом
Идет и любитсЯ сизой далью,
Она, и она — эта даль, только и есть на свете.
Так идет она в ботиках, словно посуху в море,
А потом пропадает за дымякою голубою.

* * *

Желтый парашют над Коктебелем,
Киммерийский мрак.
Кучук-Енишар, польнь и сели
Синей глины, справа — Карадаг.

Все мне снится лунная дорожка,
Лодки протекающее дно,
Как мы отпивали понемножку
Из стакана вместе бастардó.

А на местном говорят бастарда,
Губы пей.
Бастардó, Бастарда,

Ну и ладно, —
Им видней.
Расплавалась лунная дорожка,
Где волна чернела за волной,
Пили, целовались понарошку,
Заедали красной бастурмой.

Никогда я не был на Босфоре,
Не забыть мне влажных тех ночей,
Как в ее зрачках мерцало море,
Ты меня не спрашивай о ней.

* * *

Море перетасовывает гальку,
Тащит водоросли — сегодня штормит.
Одинокую сносит чайку
К молу, она покорно парит,
Что-то кричит, но я не слышу.
Солнце зарубцовывает следы
Операционных швов, под тэна крышу
Встаю, много же уткло воды.
Соленостью перемешались волны
Со дна до верха в пятнадцать промилль,
Во мне не более двух, полный
Еще вчера был на пляже штиль.
В стихии есть неизбывная прелесть:
Слышу рокот и ветра вой,
Прибой, как пиво, хмелен, пенен,
Кто-то мне с мола машет рукой.
Плыву, за гребнем вздымается гребень,
Накрывает полностью с головой.
К ней, без рубцов загорел и зелен,
Из синих вод выхожу молодой.

